

Ван Мо посидела за письменным столом какое-то время. Свет на тыльной стороне ладони сместился слева направо, занавеска под порывом ветра выгнулась дугой и опала обратно.

Ей захотелось попить воды. Она встала и направилась на кухню, тапочки шлепали по полу — шлёп, шлёп, — ритм казался вполне ровным. Она толкнула кухонную дверь и потянулась за стеклянным стаканом на столешнице. В тот момент, когда пальцы коснулись стенки стакана, он выскользнул, выскорзнул из промежутка между пальцами, рухнул на кафель, разлетевшись на несколько осколков, а брызги воды залили ей щиколотки.

Она застыла на месте, опустя голову, глядя на эти осколки — белые, с острыми краями. Вода тонкими змейками растеклась по швам между плитками, подбираясь к краю её тапочек.

Мама выглянула из гостиной, высунув голову наполовину:

— Что случилось?

Увидев осколки на полу, она перефразировала на ходу:

— Не порезалась?

— Нет.

Ван Мо присела на корточки и потянулась за самым большим осколком, но стоило кончикам пальцев коснуться его, как мама шлепнула её по руке:

— Не бери руками.

Мама повернулась за веником, двигаясь быстро, словно проделывала такое уже много раз. Ван Мо присела у плиты, обхватив колени руками, и наблюдала, как мама одна за другой сметает осколки в совок. Звук стукающихся друг о друга кусочков фарфора был резким и чистым, прозвучав в тишине кухни раз семь-восемь.

Она так и сидела на корточки, не поднимаясь, устремив взгляд на собственные пустые ладони. Кожа на ладонях была абсолютно целой, без единого повреждения, не осталось даже красного следа. Она посмотрела на эту руку, а затем сжала пальцы в кулак.

— Почему у тебя в последнее время руки такие неловкие?

Мама высыпала осколки из совка в мусорное ведро и бросила на неё взгляд:

— Не выпалась?

— Выпалась.

— Значит, витаминов не хватает.

Тон мамы звучал как утверждение, а не вопрос. Она подняла чайник, заново налила воды в стакан и протянула Ван Мо:

— Держи крепче.

Ван Мо приняла его, обхватив обеими руками, подушечками пальцев прижимаясь к теплой стенке стакана. Она опустила голову и сделала глоток — вода была теплой, не обжигающей.

Выходя из кухни со стаканом в руке, она попыталась шагнуть чуть быстрее, но щиколотка задела за косяк двери, тело качнуло, и одна рука уперлась в дверную раму. Дерево косяка издало тихий звук от ее толчка.

Она замерла в проходе на мгновение. Рука, упиравшаяся в косяк, всё еще лежала на дереве, суставы пальцев побелели. Она медленно разжала пальцы, убрала руку и опустила взгляд на свои щиколотки — ни красноты, ни опухоли.

Только тогда подал голос голос системы:

— Период адаптации. Это нормально.

Она ничего не ответила, дошла со стаканом до комнаты и присела на краешек кровати. Стакан глухо остудился на столешницу — «бум», — она отпустила его, а между дном стакана и поверхностью стола легла обложка блокнота, смягчив удар о дерево. Она опустила взгляд на свои руки, раскинув их на коленях, пальцы всё еще слегка дрожали, амплитуда была совсем небольшой, похожей на едва заметную рябь на поверхности воды. Другой рукой она прижала их, подержала так несколько секунд и отпустила. Дрожь продолжалась.

Она долго сидела на краю постели, глядя на эту руку.

Вся та прошлая жизнь в обычном мире всплыла на поверхность. В самые последние годы она сидела в инвалидном кресле, и точно так же дрожали руки, лежавшие на коленях: ни удержать пиалу, ни сжать ручку. Тогда она думала: как же было бы хорошо, если бы она снова смогла крепко держать в руках хотя бы стакан. Теперь она могла его поднять, но удержать ровно не получалось.

Два ощущения наложились друг на друга. Она не могла понять, постарели её руки или стали моложе.

— Сколько это продлится? — спросила она.

Система ответила:

— У всех по-разному. Ты восстанавливаешься довольно быстро.

— Быстро — это насколько?

— До того, как ты увидишь Ло Ли, должно пройти.

Она кивнула. Больше расспрашивать она не стала. Пальцы продолжали подрагивать, и тогда она просто перевернула ладони, прижав их к коленям, придавив собственным весом. Сквозь кожу угадывались кровеносные сосуды — тонкие синие ниточки, тянувшиеся по кости.

Из гостиной донеслись шаги — всё ближе и ближе. Мама вошла с небольшой тарелочкой нарезанных яблок, поставила её на стол, ничего не говоря, бросила взгляд на её руки, прижимавшие колени, и отвела глаза:

— Ешь давай, они хрустящие.

Она взяла кусочек яблока и откусила — раздался хруст, во рту брызнул сок. Мама прислонилась к косяку двери, наблюдая, как она ела. На самом краю дверного косяка была наклеена наклейка — выцветший кот, которая красовалась там еще с первого класса начальной школы Ван Мо, а её края уже задрались. Подняв голову, Ван Мо заметила этого кота, а затем перевела взгляд на маму. Мама, прислонившись к косяку, смотрела на нее, не подгоняя собираться в школу и не спрашивая, почему та витает в облаках.

Дожевав этот кусок яблока, она зажала огрызок в пальцах и негромко произнесла:

— Мам, я сегодня возьму отгул.

Мама не стала расспрашивать почему.

— Ладно, — сказала она. — Тогда поспи еще немного.

После этого она развернулась и ушла, тапочки зашаркали по полу — шлёп-шлёп, с тем же привычным ритмом, без лишних вопросов и оглядок.

Ван Мо сидела на краешке кровати, глядя в сторону двери. Дверь была открыта, в коридоре пусто — мама уже дошла до другого конца гостиной. Она положила огрызок яблока рядом с тарелкой, встала и подошла к окну. За стеклом по-прежнему расстилалось серое небо, облака

висели очень низко, дождя не было, но и солнца тоже. Она подняла руку и прижалась ладонью к оконному стеклу, стекло оказалось холодным. Через стекло ее ладонь соприкоснулась с серостью улицы, подушечки пальцев потерлись о стекло, оставив за собой едва заметный влажный след.

Она вспомнила, что в последний год мира апокалипсиса небо было точно такого же цвета. Однородно-серое, без полутонов, словно небо затянули куском плотной ткани, и это давление длилось очень, очень долго. После этого то небо уже никогда не прояснялось.

Она убрала руку со стекла.

— На что ты смотришь? — поинтересовалась система.

— На небо.

— Это небо не такое уж плохое.

— Я знаю.

Она повернулась и вернулась к письменному столу. Блокнот всё еще был раскрыт, те две строчки тихонько покоились на линованной бумаге. Она протянула один палец и легко провела подушечкой по трем иероглифам, обозначавшим имя Шу Цинли — лишь едва коснулась, не проводя дальше.

Палец больше не дрожал. Раскрыв ладонь, она осмотрела её, затем захлопнула блокнот и навела порядок на столе. Огрызок яблока полетел в мусорку, стакан вернулся на кухню — она вымыла его и перевернула вверх дном на сушилке.

Мама сидела на диване в гостиной и листала телефон, услышав доносившиеся шаги, она даже не подняла головы:

— Больше не будешь спать?

— Нет.

— Тогда помоги мне занести в дом несколько горшков с хлорофитумом у входа в цветочный ларек, собирается дождь.

Ван Мо отозвалась согласием, переобулась и толкнула входную дверь. Воздух снаружи был влажным, в порывах ветра чувствовался запах сырой земли. Присев на корточки, чтобы поднять первый горшок с хлорофитумом, она задела тыльной стороной ладони мокрые листья. Она вдохнула запах земли — влажный, теплый, живой.

— Прошло тридцать два дня, — произнесла она.

Система ничего не ответила. Когда она поднимала последний горшок с хлорофитумом, налетел прохладный ветер, взметнув пряди волос у нее на лбу. Она придержала волосы рукой и посмотрела на далёкий горизонт: облака всё еще были густыми, но в небесном просвете пробивался слабый лучик бледно-золотого света.

Посмотрев на этот свет, она повернулась и, толкнув дверь, вошла внутрь.

<http://bllate.org/book/21190/2145445>